

Elizabeth Pond. Endgame in the Balkans: Regime Change, European Style. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2006. 412 p.

Название новой книги известной американской журналистки Элизабет Понд «Эндшпиль на Балканах: Смена режимов — стиль европейский» можно трактовать двояко. С одной стороны, «эндшпиль» может быть истолкован как конечный этап объединения Европы в рамках ЕС, когда в процесс европейской интеграции оказались втянуты Балканы, с другой — как последняя фаза балканского конфликта 1990-х — первой половины 2000-х годов, являющая собой завершающую стадию модернизации и трансформации государств региона и осуществление давней мечты балканских политиков разных поколений о воссоединении с Европой.

Автор книги с 1967-го по 1988 год была европейским корреспондентом бостонской газеты «Крисчен Сайенс Монитор», а ныне проживает в Германии. Она сделала предметом своего исследования одновременно Балканский регион в целом и отдельные входящие в него страны. Среди них Албания, Румыния, Болгария, государства, наследующие распавшейся в 1991-м Югославии, — Сербия и Черногория (надо понимать, книга была закончена еще до обретения Черногорией независимости в мае 2006 года), Македония, Хорватия, Босния и Герцеговина, а также край Косово, статус которого до сих пор не определен.

По своему жанру рецензируемая книга может служить образцом аналитической журналистики. Она построена по географо-проблемному принципу: каждой стране отведена отдельная глава, но завершают труд два раздела, посвященных общерегиональным проблемам: «Европеизация Балкан» и «Достижение критической массы». По ана-

логичному принципу построены и «страноведческие» главы: многие параграфы носят названия городов (скажем, «Дубровник» или «Сараево»), в которых на примере истории развития того или иного города автор освещает какую-нибудь конкретную проблему. Вместе с тем в тексте имеются и сугубо проблемные параграфы.

Как видим, работу Понд можно отнести к классическим образцам аналитической журналистики. Ее фундамент составляют две части: во-первых, научная и публицистическая литература, во-вторых, интервью, взятые автором у известных политиков, ученых и журналистов стран региона. Сами по себе интервью — очень интересный источник, но, к сожалению, весьма субъективный, зависящий как от умения и профессиональных навыков самого интервьюера, так и от политических пристрастий интервьюируемых, оценки которых во многом (особенно если речь идет о людях, причастных к политике) обусловлены сиюминутными интересами политической борьбы. И все же присутствие этих интервью придает книге особое качество: каждая сторона и каждая политическая партия обретают на ее страницах свой голос, и именно благодаря использованию интервью возникает объемное представление о том, что происходит в той или иной стране.

В центре книги проблема интеграции Балкан в Европейский союз. «Сможет ли Европа приручить Балканы?» — вот главный вопрос, который задает Понд. Но это лишь одна сторона медали. Правомерен и другой вопрос: смогут ли Балканы интегрироваться в ЕС, подняться до уровня этой организации, стать ее органической частью, а не простым

географическим придатком, допущенным в Союз лишь по политическим соображениям? Представляется, что проблема Балкан для Европы состоит не в том, чтобы их «приручить», а в том, чтобы интегрировать, притом не заразившись болезнью, которая называется «балканизацией», то есть этнотерриториальными конфликтами, основанными на восприятии окружающего мира в этнических категориях.

Со второй половины XIX века принадлежность к Европе стала неотъемлемой частью национального самосознания сербов, хорватов, албанцев, словенцев, болгар, румын, элементом программ их национальных движений, а после образования независимых государств в 1878–1918 годах — составной частью их внешней политики. Не исчезло это стремление и после 1945-го, когда все балканские страны и населявшие их народы оказались по другую сторону «железного занавеса». Воссоединение с Европой было мечтой многих югославских, болгарских, румынских и албанских оппозиционных политиков. Да и коммунистические правители вовсе не возражали, чтобы эти государства вместе с их тогдашними режимами самими европейцами были признаны Европой.

Автор ставит Балканы в общий контекст государств Средней и Юго-Восточной Европы, которым было суждено пройти нелегкий путь перемен. Понд задается вопросом: если либерализация удалась в Мадриде, Лисабоне и Афинах, почему она не может быть успешной в Варшаве, Будапеште, Таллинне, Риге и Вильнюсе. Между тем применительно к балканским странам этот вопрос можно было бы сформулировать иначе: если либерализация удалась в Будапеште, Праге и Вильнюсе, почему она не может быть успешной и на Балканах? Другими словами, речь идет о том, действуют ли общие закономерности на всем европейском пространстве или же регионы Западной и

Средней Европы развиваются по каким-то иным закономерностям? Главный вопрос: когда и в какой форме завершится процесс европеизации Балкан? Вопрос весьма непростой, ибо он завязан на соотношении общеевропейских принципов и ценностей с национальными традициями и национальным самосознанием. Очевидно, что европеизация Балкан имеет собственную специфику, порожденную отнюдь не только последствиями войн 1990-х — начала 2000-х годов.

Сюжеты, связанные с распадом Югославии и дальнейшим развитием государств-наследников, занимают в книге центральное место. Одно из крупнейших балканских государств — Югославия была в свое время в числе самых развитых «социалистических стран», хотя и не входила в Восточноевропейский регион. До своего распада, начало которому было положено в 1990-м, Югославия считалась наиболее вероятным претендентом среди всех социалистических стран на присоединение к Европе. Развал СФРЮ был исторически обусловлен процессами национального самоопределения, однако междоусобные войны, тем более в столь жестоких формах, вовсе не были заранее предопределены. Однако события пошли так, как пошли, и ныне мы видим, что независимые государства, образовавшиеся после распада СФРЮ и в большинстве своем пережившие трагический период боевых действий и межэтнических конфликтов, с большим трудом, каждая по своему, преодолевают последствия войны и отставание от Европы. У каждого из них на этом пути свои трудности.

Один из самых важных стратегических вопросов: как долго евроатлантические структуры смогут удерживать очень непростые этнотерриториальные проблемы Средней и Юго-Восточной Европы. Да, при вступлении в НАТО и ЕС государства Средней Европы продекларировали свой

отказ от территориальных притязаний. Однако это отнюдь не означает изменение «генетического кода» или же утверждение, будто в национальном сознании каждого народа залечены раны, нанесенные войнами XX века и заключенными после их завершения мирными договорами, которые перекраивали этнические территории и порождали основу для новых конфликтов. Пожалуй, напрасно автор не задается также и вопросом, а сколь прочным и долговременным окажется сам Европейский союз. На мой взгляд, несмотря на реальные достижения этой организации как формы возникающего общеевропейского сообщества, вряд ли следует его идеализировать.

Книга Элизабет Понд принадлежит к новой формации исследований Балканского региона, периода его постсоциалистической истории. Когда в 1991 году прекратила свое существование «Восточная Европа», то есть Организация Варшавского договора и СЭВ, а в СФРЮ началась война, преобладающим жанром были популярные издания (реже научные монографии), посвященные истории региона или отдельных его государств и народов. Авторы этих публикаций стремились объяснить, почему распалась Югославия и началась война¹. Затем к этому книжному массиву добавились многочисленные мемуары государственных деятелей, а также политиков, дипломатов и военных, в разное время в той или иной мере принимавших участие в попытках примирения воюющих сторон, — М. Горбачёва, Б. Ельцина, А. Козырева, Е. Примакова, Л. Ивашева, Б. Клинтона, М. Олбрайт, С. Тэлботта, если говорить о книгах, изданных на русском языке. Однако существует огромный пласт мемуарной литературы, мало известный отечественному читателю: это воспоминания К. Бильдта, Д. Оуэна, М. Роуза, М. Ахтисаари, У. Кларка, Р. Холбрука, У. Циммермана, Г.-Д. Геншера, В. Петрича и других авторов,

пытавшихся с разной степенью глубины и понимания показать исторические причины распада СФРЮ и последовавшей войны, а также объяснить, почему так трудно было ее остановить. На всю эту литературу ежедневно наслаивалась масса теле-, радио- и газетных репортажей о событиях на Балканском полуострове.

Характерной чертой политологических, исторических и этнологических исследований того времени, будь то американских, западноевропейских или российских, была политическая ангажированность. Многие авторы вольно или невольно были связаны своими симпатиями или жизненными обстоятельствами с той или иной стороной, вовлеченной в конфликт, и ретранслировали ее видение событий, пытались обосновать ее позицию.

Постфактум мало-помалу стали преобладать более объективные политологические и исторические исследовательские работы, в которых освещалась уже не только первая, но и вторая половина 1990-х, а также начало 2000-х годов. Это была попытка анализа не просто современной политики, а уже недавней истории, хотя, конечно, у каждого исследователя свой ответ на вопрос, где заканчивается политика и начинается история².

Ныне перед постъюгославскими государствами, равно как и перед их балканскими соседями стоят уже проблемы не только самоопределения и защиты своей территориальной целостности, но и выбора исторического пути. Собственно, такой выбор — присоединение к «Европе» и олицетворяющему ее Евросоюзу — политические классы и большинство населения этих стран уже сделали. Сегодня историки, политологи и журналисты могут посмотреть на события более отстраненно и беспристрастно. И, надо сказать, что Элизабет Понд это вполне удалось: анализируя конфликтные ситуации на

Балканах, она не становится на точку зрения ни одной из сторон, применяя одну и ту же шкалу политических и нравственных оценок по отношению ко всем националистическим движениям и их лидерам³. Что, впрочем, не исключает политических симпатий и антипатий, как и проявления некоторых особенностей, присущих современной американской и западноевропейской балканистике.

Примечания ¹ См., например: *The Columbia History of Eastern Europe in the Twentieth Century* / J. Held (ed.). N. Y.: Columbia Univ. Press, 1992; *Cuvalo A. The Croatian National Movement: 1966–1972*. N. Y.: Columbia Univ. Press, 1990; *Friedman F. The Bosnian Muslims: Denial of a Nation*. Boulder; Oxford: Vestview Press, 1996; *Geis I. Der Jugoslawien krieg*. Frankfurt am Main, 1993; *Lukic R., Lynch A. Europe from the Balkans to the Urals: The Disintegration of Yugoslavia and the Soviet Union*. SIPRI, Oxford Univ. Press, 1996; *Malkolm N. Bosnia: A Short History*. L.: Papermac, 1994; *Idem. Kosovo: A Short History*. L.: Macmillan, 1998; *Why Bosnia?: Writings on the Balkan War* / S. Creek (ed.). Connecticut: Rabia Ali & Lifschultz Lawrence, 1994; *Garde P. La vie et la mort de la Yougoslavie*. Librairie Erthème Fayard, 1992.

² *Allok J. Explaining Yugoslavia*. L.: Hurst & Company, 2000; *Balkan as Metaphor: Between Globalization and Fragmentation* / D. Bjelic, O.

Примечательно, что в книге, как и в подавляющем большинстве других американских и европейских исследований, полностью отсутствуют упоминания о российских ученых-балканистах и их трудах. Возможно, играет свою роль языковой барьер, а может быть, дело в застарелых стереотипах и предвзятостях. Как бы то ни было, об этом можно только сожалеть. ■

СЕРГЕЙ РОМАНЕНКО

Savic (eds). Graz; Cambridge (Mass.); London, 2002; *Bosnia: Faking Democracy after Dayton*. 2nd ed. London; Sterling (Virginia): Pluto Press, 2000; *Judah T. The Serbs History: Myth and Destruction of Jugoslavija*. 2nd ed. New Haven; London: Yale Univ. Press, 2000; *Schnpfflin G. Nation. Identity. Power: The New Politics of Europe*. L.: Hurst & Company, 2000; *Tanner M. Croatia: A Nation Forced in War*. New Haven; London: Yale Univ. Press, 2001.

³ В качестве примера подобного подхода можно назвать монографию известной американской исследовательницы: *Ramet S.P. Nationalism and Federalism in Yugoslavia: 1962–1991*. 2nd ed. Bloomington; Indianapolis: Indiana Univ. Press, 1992, а также: *Thompson M. Kovanje rata: Mediji u Srbiji, Hrvatskoj i Bosni i Hercegovini. Prijevod sa engleskog*. Zagreb, 1995 (к сожалению, хорватские издатели не указали название и выходные данные английского оригинала).

Integrum: Точные методы и гуманитарные науки / Отв. ред.-сост. Г. Никипорец-Такигава / Вступ. сл. Вяч. Вс. Иванов / Предисл. А.Я. Шайкевич. М.: Летний сад, 2006. 430 с.*

Информационная система Integrum представляет собой службу баз данных в виде крупнейшей электронной коллекции русскоязычных документов и информационно-поисковой системы для их обработки. Это своего рода гигантская библиотека, в которой всё под рукой и может быть найдено по первому требованию.

Библиотека — не бесплатная. Получив или получая то или иное информационное пополнение, «Интегрум» обходится с ним

* Авторы: М. Безродный, Л. Гершензон, К. Гельц, Г. Гусейнов, Дж. Данн, Г. Денисова, К. Менг, А. Мустайоки, Г. Никипорец-Токугава, В. Плуноян, Е. Протасова, О. Пуссинен, Ф. Романенко, Л. Саакян, Ю. Сафонова, О. Северская, А. Смоленский, М. Урнов, Я. Фрухтман, А. Шайкевич

далее как с товаром и ведет себя наподобие антикварного либо букинистического онлайн-магазина, работающего за счет комиссионного сбора. Поставщик информации получает свою долю дохода только в том случае, если его информация была приобретена пользователем. Правда, данное сравнение несколько хромает, если учесть, что «Интегрум», прежде чем предложить «товар», его отцифровывает, индексирует и встраивает в корпус уже отобранных текстов, то есть придает поступившему тексту товарный вид.

На начало 2006 года в «Интегруме» имелось 6 223 базы данных, сведенных в 27 тематических групп и состоящих из 350 млн документов. Среди них полные архивы тысяч СМИ, большинство из которых начинаются с первой половины 1990-х. Базы «Интегрума» обновляются ежедневно, увеличиваясь в среднем на два источника и 20 тыс. документов в день (под источником в группе СМИ понимается архив одного издания за все даты, имеющиеся в «Интегруме»). Общий объем документов уже превысил один терабайт (то есть 240 байта, или 1 024 гигабайта!).

«Интегрум» располагает и тем, о чем Вячеслав Всеволодович Ива́нов в своем вступительном слове к книге говорит как о давно назревшей потребности, — постоянно обновляющимся конкордансом, или словарем, из 10 тыс. наиболее частотных слов русского языка со специальными обучающими функциями.

«Интегрум» имеет весьма совершенную многофункциональную информационно-поисковую систему «Артефакт», обеспечивающую эффективную навигацию в «подведомственном» ему информационном пространстве. Это несравненно более продвинутый инструментарий, чем, скажем, информационно-поисковые машины Интернета, вслепую «шурующие» в мировом океане информационного мусора. И хотя

поиск в Интернете — процедура трудоемкая и испытывающая терпение пользователя, итог поиска нередко неутешителен: гора ненужного и кучка искомого, при этом без гарантии качества или хотя бы полноты добытой информации. Не дает Интернет и доступа к полнотекстовым архивам СМИ. В отличие от него «Интегрум» способен ограничивать область изначального поиска: он работает не в безбрежном хаосе всевозможной информации, а в хорошо структурированном и разгороженном пространстве сообщающихся друг с другом систем

Будучи многофункциональным, «Артефакт» располагает разветвленным языком запросов со сложным синтаксисом, осуществляет поиск слов с запутанной морфологией и даже с опечатками, дат и людей, сортировку результатов по разным критериям и т. п. Отсюда ясно, что половина успеха при пользовании «Интегрумом» — это грамотно составленный запрос. «Интегрум» позволяет строить гипотезы не на субъективной оценке нескольких случайно обнаруженных фактов, а на основе анализа колоссального массива русскоязычного материала. Так что его применение — это новый виток в «гонке вооружений» в области научной гуманитарной мысли.

В считанные секунды на монитор выводится любой документ, отражающий всю палитру российских СМИ, в том числе материалы множества провинциальных изданий, знакомство с которыми без «Интегрума» было бы сильно затруднено, если не сказать невозможно. При этом гарантируется «качество» каждого выхваченного по запросу документа — его аутентичность и репрезентативность, что не может не сказываться как на обоснованности выводов, так и на качестве конечного научного продукта.

Осями, вокруг которых вращается «Интегрум», являются Россия и русский язык. Все его базы данных так или иначе

связаны с ними, что делает систему самой крупной на сегодня электронной коллекцией информации о России.

Изначально «Интегрум» предназначался не для академической науки и уж тем более не для гуманитариев. Его адресатом были совсем другие пользователи: отчасти более компьютерно продвинутые, а главное — более состоятельные (ведь годовая лицензия на «Интегрум» — дорогое удовольствие), в основном из числа крупных компаний, банков и информационных агентств. (Впрочем, любой пользователь может при необходимости приобрести кусочек «Интегрума» онлайн на ограниченную сумму.)

Первопроходцами «Интегрума» среди гуманитариев стали филологи. Стремление этой информационной системы сохранять любой русскоязычный документ (и в этом она на «комиссионку» уже не похожа) сулит им новые дополнительные перспективы. И все же первые попытки применения «Интегрума» в филологии и других гуманитарных областях напоминали стрельбу из пушек по воробьям: они были довольно элементарны и сводились к поиску или анализу отдельных примеров — благо их нахождение с помощью «Интегрума» не такое уж трудное дело.

Со временем «Интегрум» стал создавать всё новые инструменты для автоматической обработки полученных данных, в частности специальные сервисы «Сравнительная и относительная упоминаемость (статистика)» и «Частотный словарь языка СМИ». С их помощью стали доступными фиксация первого упоминания исследуемого объекта в базах «Интегрума» либо построение различных нормированных рядов, опирающиеся на довольно сложные запросы и сделанные по ним расчеты. Рассчитываться могут, например: а) абсолютное число документов, в которых объект встречается в каждой заданной временной точке; б) процентное отношение документов, в которых объект встречается,

к общему количеству документов, содержащихся в «Интегруме» в каждой заданной временной точке; в) процентное отношение документов, в которых объект встречается в одном контексте, к совокупности документов, в которых он встречается в другом контексте; г) процентное отношение числа документов, в которых объект встречается в одном контексте, к числу документов, в которых он встречается в любом контексте; д) процентное отношение количества документов, в которых упоминается один объект, к количеству документов, в которых упоминается другой объект, и т. п.

Появление этих и других сервисов, как бы специально «заточенных» под нужды аналитики (в том числе социального или гуманитарного профиля), окончательно убедило ученых в целесообразности освоения и полезности практического применения «Интегрума». Серьезным ограничителем, разумеется, является платность «Интегрума» как ресурса. Поэтому необходимость его использования приходится всякий раз конкретно обосновывать. Тем не менее все больше университетов (иногда вскладчину) приобретают кампусные лицензии, благодаря чему число пользователей и ценителей «Интегрума» среди ученых-гуманитариев неуклонно растет.

Однако освоение «Интегрума» все еще затруднено тем, что способы применения его баз данных и инструментов систематически нигде пока не описаны. Назрела необходимость не только консолидировать опыт ученых, активно пользующихся системой, но и создать своего рода «методички» по его применению, а главное — определить границы его возможностей и место в инструментарии точного гуманитарного анализа. Иными словами, возникла потребность в выявлении и демонстрации тех типов научных задач, решение которых стало возможно благодаря использованию «Интегрума».

Вышеуказанным целям как раз и служит рецензируемая книга — попытка своего рода научной социализации фэн-сообщества «Интегрума». Книга являет миру первый — с доминированием филологов, но все-таки достаточно разносторонний — коллектив авторов-гуманитариев, опирающихся в своих исследованиях на информационные ресурсы и на научный инструментарий «Интегрума». Круг участников проекта междисциплинарен и интернационален: филологи, политологи и социологи, представляющие Россию, Германию, Финляндию, США и Японию; их статьи написаны на русском, английском и немецком языках.

Книгу открывают приветствия и напутствия мэтров — Вячеслава Вс. Иванова и Анатолия Шайкевича, а также предисловие, написанное ответственным редактором-составителем Галиной Никипорец-Тагикава (Токийский университет иностранных языков). Далее следуют четыре раздела и приложение. Структура сборника явно задумана как движение от общих вопросов к частным, но принципы разграничения частей не всегда ясны.

Вводный раздел открывает статья Фёдора Романенко и Льва Гершензона — разработчиков ряда сервисов «Интегрума». Она посвящена истории, идеологии и инструментарию «Интегрума» и вполне может послужить предварительной «инструкцией для пользователя». Так что ее стоит проштудировать каждому, кто предполагает всерьез поработать с «Интегрумом» и его поисковым компонентом «Артефакт».

Арто Мустайоки представляет целый блок исследований, выполненных с помощью «Интегрума» в Хельсинкском университете. (Финляндия, кстати, была одной из первых стран, в которых стали активно пользоваться данной системой.) Автор утверждает, что «Интегрум» — это поистине

сокровище для тех, кто изучает современную Россию и русский язык: обращение к этой системе позволяет отказаться от предположений либо случайных наблюдений и оперировать гипотезами, подкрепленными богатой эмпирикой и статистически верифицированными.

Владимир Плунгян размышляет о перспективах, открывающихся в связи с применением различных корпусов русского языка в лингвистике, и проводит одно из таких сравнений, а именно Национального корпуса русского языка с корпусом «Интегрума». Каждый из ресурсов в их настоящем виде предназначен, по его мнению, для решения своих собственных научных задач, то есть они не заменяют, а дополняют друг друга, и лингвисту необходимо использовать их комбинированно.

Следующий раздел книги посвящен демонстрации возможностей, которые применение баз данных «Интегрума», инструментов навигации в нем и способов их использования открывает перед гуманитарными исследователями. Авторы статей этого раздела выявляют те типы научных задач, решение которых стало возможным благодаря беспрецедентно большому массиву материалов вкпе с инструментами анализа, которыми располагает «Интегрум». Для некоторых областей научного исследования обращение к «Интегруму» практически безальтернативно.

Самый общий и вместе с тем наиболее прикладной характер в этом разделе имеет статья Александра Смолянского «Тринадцать примеров». Приводя и комментируя перечень типовых частных запросов, автор намечает рамки, внутри которых «Интегрум», по-видимому, вне конкуренции. Во-первых, это фиксация исторически первого употребления слова и его дальнейшей динамики в языке (на что в отсутствие «Интегрума» могли бы уйти годы и десятилетия библио-

течного поиска). Во-вторых, отслеживание и представление в виде таблиц или диаграмм динамики лингвистических проявлений жизненных процессов в обществе (в первом случае Смолянский взял в качестве примера «вестернизмы»: пиар, блокбастер, гендер и т. п., во втором — бандитскую лексику, негативные и нейтральные контексты войны в Чечне и пр.).

Смолянский показывает, что использование «Интегрума» перспективно для весьма широкого (и все расширяющегося) спектра тех научных направлений и гуманитарных дисциплин — от демографии до искусства, — чья эмпирика общественно значима и соответственно время от времени попадает в поле зрения СМИ. Так, динамика освещения заданной темы (например, темы чеченской войны либо любой другой) за тот или иной период — это ценный материал для социологических и культурологических исследований. Разумеется, в данный круг входит также анализ информационной политики и практики как государства, так и регионов, партий, корпораций, отдельных медий. «Интегрум» позволяет исследовать язык СМИ, в том числе и в нормативном аспекте, выявлять своего рода «коллективное бессознательное», черты национального характера и ключевые слова русской культуры.

Как считает Никипорец-Такигава, автор статьи «Вторичные заимствования в русском языке XXI века», применение «Интегрума» особенно плодотворно в изучении современной лексики (лексические изменения, семантические преобразования, сдвиги и колебания, влияние экстралингвистических факторов на лексику и лексическую семантику), в анализе языковой моды, а также инноваций, то есть первых вхождений тех или иных лексем в корпус русского языка. Для решения такого рода задач служит уникальная способность «Интегрума» фиксиро-

вать первое вхождение нового слова в язык. Другая сфера применения данной информационной системы — частотные словари. При этом функция обновления, разработанная «Интегрумом», уже в ее теперешнем виде может быть использована для составления словарей современного русского языка и прочих лексикографических задач.

Якоб Фрухтман продемонстрировал возможности «Интегрума» при анализе языка в его динамике и сопоставлении развития языковых процессов с развитием общества, политики и экономики. (Правда, увлекшись методикой, он едва не попал в одну из «воздушных ям», подстерегающих исследователя-методолога: я имею в виду банальность выводов — в нашем случае это обнаружение связи роста российской экономики и цен на нефть с разговорами о кризисе в стране.)

Зато авторы статей, собранных в третьем и четвертом разделах сборника, методических задач перед собой не ставили. Для Мустайоки и Ольги Пуссинен довольно и того, что «Интегрум» — это огромный массив релевантных данных, которые легко складываются во множества и подвергаются статистическому анализу. Они, в частности, опровергли мнение, бытующее во многих словарях, о том, что второй родительный, или родительный партитивный, падеж в современном русском языке почти не употребляется.

Статьи Джона Данна, Никипорец-Такигава и Юлии Сафоновой, собранные в единый блок под общим заглавием “Russian Language Policy” («Политика в области русского языка»), дают всесторонний обзор этой сложной и спорной темы. Авторы зафиксировали тенденцию к государственному вмешательству в процессы, происходящие в русском языке. Особенно это затрагивает электронные СМИ.

Екатерина Протасова, так же как, впрочем, Левон Саакян, Ольга Северская, а

отчасти Катарина Менг и Фрухтман, с помощью репрезентативных подборок примеров исследовала лексические гнезда и эволюцию семантики отдельных слов (например, «обида», «озвучивать», «русак», «кризис»), частотность их употребления в языке разных авторов и в различных средствах массовой информации. В статье Галины Денисовой «Элементарно, Ватсон!», посвященной частотности употребления фильмонимов (то есть цитат или аллюзий, взятых из кинофильмов) в современном русском лингвокультурном пространстве, содержится оптимистический прогноз для части фильмонимов советского периода, которые, скорее всего, и в дальнейшем будут использоваться в русском дискурсе.

Марк Урнов сфокусировал свое внимание на термине «человеческие ресурсы». На основании вполне традиционного Интегрум-анализа он пришел к выводу о несоответствии внутренних человеческих ресурсов России в их теперешнем состоянии российским претензиям на былую геополитическую сверхдержавность. Ввиду этого отход России от Запада таит в себе удвоенную опасность для нее самой.

Статистике и анализу упоминаний имени Фридриха Ницше в России и выяснению меры его популярности по сравнению с иными персоналиями в электронных подшивках 480 газет и журналов на русском языке, издаваемых в России, бывших советских республиках, Германии, Израиле, Канаде, США и Франции, посвящено острое эссе Михаила Безродного «Древний философ из пяти букв, не Маркс». В работе Кристины Гельц аналогичными средствами исследуются «образы советского детства», выжившие и в постсоветской социокультурной ситуации.

Завершает книгу статья Гасана Гусейнова «Введение в эрратическую семантику (на материале “Живого Журнала”», в которой

автор заостряет внимание на важной для развития «Интегрума» области ошибок. Однако то, что автор в рамках блогерской субкультуры (она, кстати, не представлена в базах данных «Интегрума») называет эрратизмами (намеренными ошибками), в действительности зиждется на глубочайшем пренебрежении, а порой и на элементарном незнании блогерами правил своего родного языка: уж и не знаю, стоит ли им льстить, принимая как должное их «язык» и выдавая его за некое новое нормотворчество да еще со своими допустимыми нормами искажения?

В приложении к книге описываются базы данных «Интегрума» с указанием типа СМИ (центральные, региональные, зарубежные, Интернет и т. д.) и глубины конкретного архива (указание года абсорбции архива «Интегрумом»).

Итак, под одной обложкой впервые собраны академические труды, выполненные во славу и с помощью «Интегрума». Ими и использованными в них технологиями потенциал постоянно не только прирастающего, но и методически развивающегося «Интегрума» далеко не исчерпывается. Исследователи находят в «Интегруме» огромное информационное пространство и систему для точного поиска в нем нужных фактов или информации. Получили в книге признание и такие приемы, как расчет и показ соотношения генеральной популяции (например, совокупных текстов СМИ) и отдельных подкорпусов.

Думаю, что интерес будущих пользователей к «Интегруму» гарантирован, а сам их круг будет расширяться, не в последнюю очередь за счет социологов, географов и историков. При этом следует, по-видимому, различать разные типы задач. В одних «Интегрум» востребован как сугубо информационная кладовая, в других — как превосходный навигационный и аналитический инструмент.

В одних случаях исследователь сталкивается с такими задачами, о которых еще в недалеком прошлом можно было только мечтать и которые без «Интегрума» просто невыполнимы; в других — с задачами, которые можно решить и без «Интегрума», но с ним они решаются гораздо проще и эффективнее.

Хочется надеяться и на дальнейшее расширение источниковой базы «Интегрума»: пока в нем явно недостает фундаментальных массивов русской художественной литературы. Восполнение этого пробела откроет

новые возможности для исследований эволюции русского литературного языка и сравнения языка разных писателей. Станет доступен многосторонний мониторинг всевозможных явлений в языке, а равно и в обществе. При этом анализ будет вестись с привлечением все более сложных и тонких аналитических ресурсов «Интегрума». Реально ничто не противоречит также идее экспансии принципов «Интегрума» на другие европейские языки. ■

ПАВЕЛ ПОЛЯН

Archie Brown. Seven Years that Changed the World: Perestroika in Perspective.
N. Y.: Oxford Univ. Press, 2007. xx + 350 p.

Книга «Семь лет, которые изменили мир: Перестройка в перспективе», написана дуэтом сообщества британских ученых, занимающихся исследованием России. Арчи Браун, профессор Оксфорда, внес серьезный вклад в осмысление самого драматического периода в нашем современном развитии — краха СССР, а также того, что этому краху предшествовало и чем он завершился. Мало кто может соперничать с профессором Брауном в интенсивности внимания к советской политике и советским институтам, нюансировке подхода и тщательности анализа*.

Арчи Браун первым на Западе заметил Михаила Горбачёва, предрек, что он может стать во главе СССР, и обнаружил в нем качества, впоследствии сделавшие его лидером нового типа. Именно профессор

Браун в сентябре 1983 года на брифинге для британского кабинета министров в присутствии Маргарет Тэтчер уверенно заявил, что Горбачёв является наиболее «открыто мыслящим политиком» среди когорты советских руководителей и что его появление — это «шанс» и для Советского Союза, и для Запада. Аргументы Брауна убедили Тэтчер, и она пригласила Михаила Горбачёва с визитом в Великобританию, который имел немалое значение для формирования новой эпохи в отношениях между советским политиком и западным миром. Это был тот редкий случай, когда эксперт дал толчок новой тенденции в мировой политике. В 1985-м профессор Браун первым заговорил о Горбачёве как о реформаторе. Между тем большинство западных экспертов еще не один год отмахивались от перестройки, полагая ее чем-то несущественным. Интуиция, способность к научному предвидению, скрупулезная работа с фактами, умение среди множества противоречивых тенденций выявить решающую позволили Брауну стать авторитетом в оцен-

* Об этом свидетельствуют его книги: *Brown A. Soviet Politics and Political Science.* L.: Macmillan, 1974; *Idem. Political Culture and Political Change in Communist States.* N. Y.: Holmes & Meier, 1977; *Idem. The Gorbachev Factor.* N. Y.: Oxford Univ. Press, 1997.

ке и перестройки, и деятельности ее лидера. Симпатия к Горбачёву не мешает ему анализировать ошибки перестройки, поскольку он неизменно сохраняет объективизм, провозглашая главным приоритетом поиск истины.

В своей новой книге Арчи Браун сделал попытку совместить два взгляда на историю перестройки. Он смотрит на нее глазами современника, публикуя размышления об этом периоде, написанные в эпоху Горбачёва либо непосредственно после ее завершения, но кроме того, добавляет к ним свои сегодняшние мысли. Чтение книги показывает, что выводы автора, сделанные в конце 80-х и начале 90-х годов прошлого века выдержали испытание временем. Что же касается его размышлений последних лет, то они дают возможность говорить о формировании целостного видения «семи лет, которые изменили мир», обладающего большой ценностью и для российского читателя.

Итак, обратимся к размышлениям Брауна об эпохе и лидере. Именно Михаил Горбачёв является главным героем книги, что и понятно, ибо мы имеем дело с анализом реформы персоналистской власти, осуществленной «сверху». Вместе с тем, исследуя лидерство, автор именно сквозь эту призму рассматривает множество других составляющих советской реальности. Он предлагает задуматься над тем, было ли падение СССР неизбежным; что явилось основным фактором его краха — появление на политической арене Бориса Ельцина, действия администрации Рональда Рейгана либо иные обстоятельства; был ли возможен иной путь трансформации Советского государства?

Автор согласен с Робертом Конквестом, который в момент распада Советского Союза писал, что «демократический СССР был взаимомисключающим понятием» (с. 206). В то же время Браун полагает, что результаты перестройки «не были predetermined» (с. 6) и «Союз в меньшем формате» уже как

добровольная ассоциация, которая объединила бы большинство советских республик, вполне мог бы существовать (с. 207, 211). По его мнению, если бы Горбачёв провел общенациональные выборы президента до конца марта 1990-го (ибо уже в мае наметилась тенденция к резкому снижению его влияния и началось возвышение Ельцина), это дало бы последнему советскому лидеру новую легитимность, которая была необходима для продолжения жизни Советского Союза в демократической форме.

Можно согласиться с тем, что после начала перестройки сценарии дальнейшего развития могли быть различны. Но попытка создания мягкой федерации на месте Союза, вероятнее всего, завершилась бы его отложенным распадом. Дело в том, что «Русская Система» в той своей модификации, какой стал СССР, держалась за счет нескольких «скреп»: единовластия, которое могло осуществляться и через персоналистскую власть, и через коллективное руководство; централизации ресурсов как средства обеспечения единовластия; милитаризации жизни; конфронтации с внешним окружением или поиска врага внутри страны в целях обоснования централизации; экстенсивной экономики под контролем государства; державничества. Выпадение хотя бы одной из этих «скреп» неизбежно вызывало разрушение всей конструкции, включая и ее государственную оболочку.

Арчи Браун, конечно же, прав в том, что в процессе распада Советского Союза сыграли свою роль целый ряд факторов: возвышение Ельцина и легитимация его лидерства через общенародные выборы, отказ Горбачёва от аналогичной легитимации через общенациональные выборы президента СССР, провозглашение Украиной своей независимости, августовский путч. Но все эти факторы лишь ускорили тенденцию, порожденную сотрясанием глубинных пластов, на которых держал

ся Советский Союз. Это сотрясение было вызвано самой перестройкой.

Автор, следуя за Михаилом Горбачёвым, определяет перестройку как «революцию, которая осуществлялась эволюционными методами». Это описание адекватно отражает те процессы, которые начались с приходом во власть последнего советского генсека. Правда, внешне новый лидер не выглядел революционером и, казалось бы, не покушался на основы советской системы. Но, провозгласив гласность, свободу слова, введя в практику элементы политического плюрализма, Горбачёв тем самым решился на то, чего до него не делал ни один российский реформатор. Он начал менять сам тип государства и способ его отношений с обществом, который традиционно строился на жесткой монополюльно-корпоративной основе. Две модернизации, осуществленные (одна Петром Алексеевичем, а другая Иосифом Виссарионовичем) до Горбачёва, были технологическими. Горбачёв осознал, что новая технологическая модернизация и переход к интенсивной экономике, в которых нуждался СССР, невозможна без модернизации социально-политической жизни. Таким образом, он замахнулся на святое.

Браун детально анализирует отдельные элементы перестройки во всех сферах — от экономики до внешней политики. Приступив к разгерметизации страны, лидер перестройки уже не мог остановиться, и вызванная им же волна увлекала его все дальше. Вначале он хотел лишь избирать хозяйственных руководителей и реанимировать органы народовластия, но сам этот шаг выбил опору системы, которую Михаил Горбачёв мечтал реформировать, и система стала разрушаться. Сработал закон «непреднамеренных последствий»: разрушив партийную монополию, Горбачёв отдал власть Советам, которые благодаря выборам стали легитимными, но не обладали ни государственной волей, ни влас-

тным ресурсом, а потому не могли стать фактором упорядочивания нового государства.

Анализируя средства перестройки, Арчи Браун говорит о том, как часто, стремясь аргументировать необходимость изменений, Горбачёв обращался к ленинизму. «Частое цитирование Горбачёвым Ленина, — пишет автор, — должно было легитимировать инновации, которые так резко расходились с советской теорией и практикой. Но одновременно оно означало и нечто большее» (с. 287). Подобный вывод представляется справедливым. По мнению Брауна, Михаил Горбачёв видел параллели между собственными действиями и тем, что делал Ленин в последние годы жизни, формируя политику нэпа. По всей видимости, Горбачёву было действительно трудно перескочить сразу через десяток ступеней в либерализации и демократизации общества, не пытаясь легитимировать этот процесс через привычную идеологию. Это был естественный путь системного реформатора. Но хотя сам Горбачёв был убежден в возможности сосуществования советского социализма с демократией («больше демократии, больше социализма» — так он понимал их взаимосвязь), довольно скоро его собственный политический опыт доказал, что в действительности между ними есть сущностное противоречие. Горбачёвская перестройка не только стала инструментом демонтажа советской системы, но и помогла изжить иллюзии относительно жизнеспособности и советского социализма, и Советского государства, которое было несовместимо с правовым типом государственности.

Арчи Браун поднимает множество вопросов: о «реформе сверху»; о системных и антисистемных реформаторах; о реформе и трансформации; о движущих силах реформ при пассивности общества; о либералах и демократах; о типах лидерства в период преобразований — и, отвечая на них, делает тон-

кие и точные замечания. Автор неоднократно возвращается к роли Бориса Ельцина в конце 1990-х годов, которая, по его мнению, была разрушительной. «Ельцин был действительно искренним антикоммунистом, но даже после того, как коммунистическая машина была сокрушена, он продолжал воплощать в себе частичное признание демократических ценностей и психологию партийного босса», — пишет Браун (с. 317). И дальше: «Ельцин был готов разрушить Советское государство во имя личных амбиций» (с. 318). Трудно не согласиться с Брауном в том, что первый российский президент стал — возможно, неосознанно — оформителем тенденции, которая противоречила духу горбачёвской перестройки: если Горбачёв дал толчок либерализации общества, разбудив его тягу к правовым и плюралистическим нормам жизни, то при Ельцине (и нередко при его участии) возникла качественно иная тенденция — к разочарованию в демократии, к установлению власти кланов и к формированию основ государства «по понятиям».

Учитывая симпатию автора к Михаилу Горбачёву, весьма сложным для него оказывается вопрос о причинах «отступления Горбачёва в 1990–1991 годах». Но Браун не избегает ответа на него. В его представлении это отступление отчасти связано с тем, что демократическая часть элиты предпочла Горбачёву Ельцина и инициатор перестройки был вынужден опираться на консерваторов. По мнению автора, «этот тактический шаг был стратегической ошибкой» (с. 280). Мне же кажется, что причинно-следственная связь здесь иная: колебания Горбачёва побудили демократический фланг качнуться в сторону Ельцина. Даже горбачёвские соратники были раздосадованы его нерешительностью. В своих воспоминаниях Анатолий Черняев упоминает, как еще в декабре 1989-го он писал Горбачёву записки с отчаянным рефреном: «Вы постоянно опаздываете!!!»

Сам Горбачёв, видимо, спрашивает с себя по гамбургскому счёту и за то, что сделал, и за то, чего не сумел либо не захотел совершить. Во всяком случае, он признавал, что были моменты, когда он непростительно медлил. Но и те, кто требовал от него решительности, не могли сказать вразумительно, какие именно решительные действия следовало предпринять. Горбачёв попал в системную ловушку: никогда и нигде лидер, который становился ниспровергателем старого порядка, не мог стать строителем нового, то есть воплотить в себе качественно иную функцию. Горбачёв, в понимании Арчи Брауна, сумел, начав как реформатор, совершить эволюцию и превратиться в трансформационного лидера. Это действительно так. Но закрепить трансформационное начало Горбачёв так и не смог — или не успел. Демократическая элита перешла в лагерь Ельцина, сделав его носителем новой функции, потому что он сумел легитимировать эту функцию через президентские выборы и потому что в представлении людей он смог стать антисистемным лидером, в то время как Горбачёв все еще ассоциировался со старой системностью, которую общество успело перерасти.

Суммируя свои размышления о перестройке и ее лидере, автор говорит об ошибках и достижениях Горбачёва. Среди ошибок — провал рыночных реформ, неспособность обуздать сепаратистскую волну, ошибочная кадровая политика, отказ от общенациональных выборов, упущенный шанс расколоть компартию, некритическая приверженность «демократическому социализму» (с. 328–329). Не будь этих ошибок, можно было бы продвинуться дальше в создании основ новой системы. Но и в этом случае вряд ли можно было бы сохранить СССР. Ну а каковы же достижения «отца перестройки»? Арчи Браун предлагает список из десяти главных побед Михаила Горбачёва, начиная с введения гласности до вывода советских войск из

Афганистана. «Семь лет перестройки изменили мир», — убежден автор книги.

И действительно, Горбачёв изменил мир. Он вывел его из тупика, в который вела ядерная эскалация. Но во внутренней политике Горбачёв как политик и как реформатор проиграл: ему не удалось перестроить Советское государство. Наоборот, начатая им декомпрессия системы стала толчком к ее саморазрушению. Но, как напоминает нам автор книги, Михаил Горбачёв стал первым российским хозяином Кремля, который начал поиск новой траектории развития России, одно за другим отменяя ограничения и приучая нас к неведомым для нас свободам. Поколение россиян, которое выросло за последние двадцать лет, будет горбачёвским поколением в том смысле, что оно не знает страха перед государством и не усвоило привычку оглядываться и говорить шепотом на кухнях, — это самое важное достижение первого и последнего советского президента. Горбачёв начал и совершенно новую для России традицию: он отказался от насилия. Драматические события в Баку, Тбилиси, Литве, видимо, убедили его в «непродуктивности насилия», о чем он часто говорил позднее. В Москве он имел возможность прибегнуть к силе, и не раз, в том числе против фрондирующего российского парламента и своего соперника — нового российского лидера. Но Горбачёв этого не сделал. Он не стал использовать силу в политической борьбе, тем самым одержав победу над многовековым российским восприятием власти.

Пожалуй, победой Горбачёва было и то, как он уходил, — с достоинством, с поднятой головой, не цепляясь за кресло и не пытаясь искать преемников, которые бы гарантировали ему статус в посткремлевской жизни. После своей отставки он стал гражданином мира, доказав, что в России отставка для лидера не равносильна смерти и после нее возмож-

но не только нормально жить, но и исполнять возложенную на себя высокую миссию.

Михаилу Горбачёву досталась неподъемная задача: решать проблемы войны и мира, демократизации режима, трансформации империи и судьбы ядерной сверхдержавы — «четыре вызова» по Брауну. Никто и никогда не решал эти задачи одновременно, да еще и в условиях, когда материя, которую все считали прочной, вдруг стала рассыпаться в руках. Никто и никогда не попадал в трагическую ловушку, в которой оказался Горбачёв: с одной стороны, он не мог не реформировать, ибо понял, что внешней устойчивости Советскому Союзу надолго не хватит. С другой — он не мог реформировать то, что не поддавалось обновлению по объективным причинам. В какой-то момент он понял, не мог не понять, что реформа Союза — это его конец. А Горбачёв не хотел быть его ликвидатором. Отсюда и его стремление нажимать на педали, чтобы сбросить скорость распада. Он надеялся стать модернизатором и создать «социализм с человеческим лицом», а ему пришлось завершить советский цивилизационный проект — совсем другая историческая роль, намного труднее и драматичнее.

Беда России в том, что до сих пор ни элита, ни общество не сумели создать в России модернистский проект. Более того, события последних лет говорят о том, что в России так и не возникли гарантии необратимости горбачёвской перестройки. Сегодня российский политический класс возвращается к тому, от чего мучительно уходил Михаил Горбачёв, тем самым расписываясь в своей неспособности предложить России будущее.

Президент СССР Михаил Горбачёв дал России шанс, о котором и размышляет британский профессор Арчи Браун. А то, как мы им распорядились, — это уже наша проблема и наша ответственность. ■

ЛИЛИЯ ШЕВЦОВА